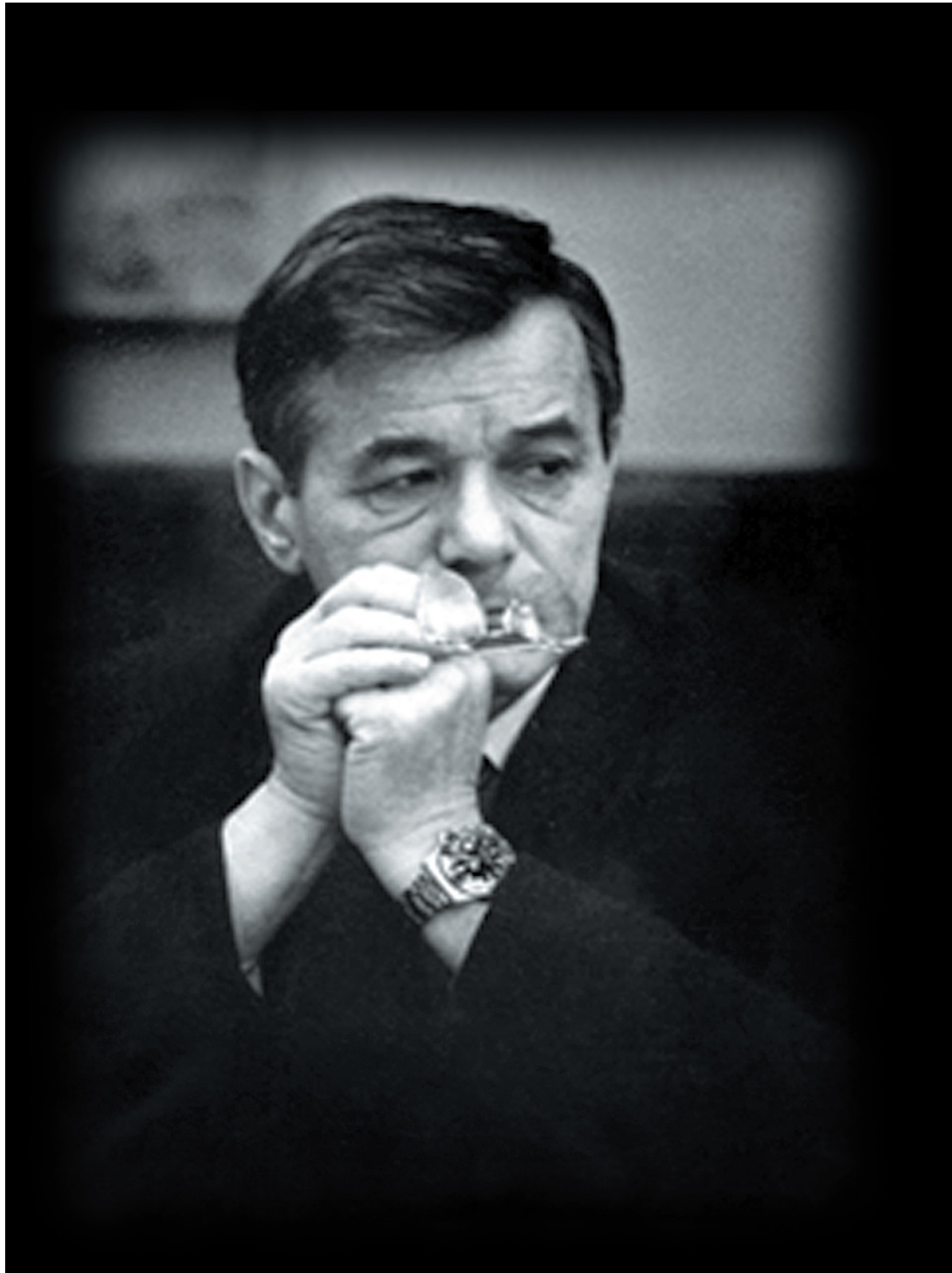

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Владимир Зимянин
Непобежденный

ИД «Городец»

2019

УДК 930
ББК 66.61(2)

Зимянин В. М.

Непобежденный / В. М. Зимянин — ИД «Городец», 2019

ISBN 978-5-907085-17-6

В книге рассказывается о жизни и деятельности Михаила Васильевича Зимянина, организатора партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, известного дипломата и журналиста, одного из руководителей Коммунистической партии Советского Союза. Многие документы и материалы публикуются впервые. Для всех, кому небезразлична история нашего Отечества. 3-е дополненное издание

УДК 930
ББК 66.61(2)

ISBN 978-5-907085-17-6

© Зимянин В. М., 2019
© ИД «Городец», 2019

Содержание

Вместо предисловия	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Зимянин

Непобежденный

Документальная повесть об отце

Редакция автора и И. В. Краснослободцевой

«Книга “Непобежденный” интересна для нашего современника во многих отношениях. Не говорю сейчас непосредственно о судьбе Зимянина, прошедшего в годы Великой Отечественной войны белорусское партизанское сопротивление. Его биография – партизан, парработник, дипломат, главный редактор “Правды”, секретарь ЦК КПСС по идеологии – сама по себе является как-бы слепком тех сложных времен.

После его ухода из ЦК, а затем из жизни многие известные люди, духовно ему близкие, в своих воспоминаниях вдруг принялись не то чтобы критиковать, но журить его: что-то не сделал, что-то не доделал, твердость в каком-то вопросе не проявил...

Здесь нет нужды ссылаться на конкретные имена и факты, они приведены в книге В. Зимянина. Но эта давняя отечественная забава “бить по своим”, пытаясь как бы снизить масштаб личности, увы, никому не делает чести. А что касается Михаила Васильевича Зимянина, человека своей эпохи, прошедшего трудный и честный путь, не замаравшего себя ни предательством, ни трусостью, ни начальственной злобностью – эта “забава” явно не срабатывает. История его жизни, развернутая на страницах книги, во-первых, крайне интересна для любого человека, неравнодушного к отечественной истории, а во-вторых, настолько злободневна (идеолог!), что принадлежит не только прошлому, но и нашему сумбурному настоящему и нашему неизведанному будущему».

Анатолий Салуцкий, писатель, публицист

Вместо предисловия

Первое и второе издания документальной повести «Непобежденный» были опубликованы в 2004 и 2007 годах под псевдонимом «Михаил Бублеев».

В предисловиях к обеим книгам сообщалось о намерении автора, якобы минского журналиста, разобраться в сложных хитросплетениях судебных руководителей Белоруссии – П. К. Пономаренко, В. И. Козлова, К. Т. Мазурова, П. М. Машерова и М. В. Зимянина. При этом «журналист» и не думал скрывать, что личность последнего вызывает у него особый интерес.

Почему я решил взять псевдоним и выдать себя за белорусского журналиста? Ведь большинство моих публикаций, в том числе научно-художественные биографии выдающегося деятеля Индии Джавахарлала Неру и известного американского актера и певца Поля Робсона, издавались в восьмидесятые годы в популярной серии «Жизнь замечательных людей» комсомольского издательства «Молодая гвардия» под моей фамилией Зимянин.

Но одно дело писать о жизни и деятельности выдающегося политика или прославленного артиста и совсем другое рассказывать о самом близком и дорогом человеке. Признаюсь, сам не ожидал, что обращение к биографии отца вызовет столь глубокие и сильные чувства.

Выбрав в качестве автора своей книги некоего «белорусского журналиста», я полагал, что это поможет мне сохранять должную объективность, избегать крайностей в оценках и т. п.

Кроме того, работая над первым вариантом рукописи, которую хотелось опубликовать к 90-летию отца, я испытывал определенные сложности, поскольку в то время служил в Министерстве иностранных дел. Тогда в 2003 году рецензенты из ряда ведомств, к чьим мнениям я не мог не прислушаться, рекомендовали мне воздерживаться от «лишних» упоминаний имен Андропова, Горбачева, Чазова.

Осенью 2004 года меня поразило известие о гибели на Кипре в результате автокатастрофы бывшего помощника секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева Валерия Легостаева, опубликовавшего в февральских номерах газеты «Завтра» сенсационный, без преувеличения, по разоблачительности очерк об Андропове «Гебист магнетический».

Поразмыслив, я решил отложить до поры до времени некоторые сюжеты из моего труда, поначалу озаглавленного «Из поколения победителей» и принятого к публикации редакцией журнала «Новые книги России».

Теперь же, выйдя в отставку, могу считать себя свободным от ряда прежних ограничений, что позволяет мне внести в текст книги необходимые дополнения и уточнения.

Благодарю всех, кто своими советами и замечаниями помог подготовке третьего издания книги о Михаиле Васильевиче Зимянине.

Глубокая признательность моим друзьям – замечательным литераторам Юрию Михайловичу Лощицу, Сергею Ивановичу Котьяло, Валерию Николаевичу и Марине Валерьевне Ганичевым, коллегам по дипломатической службе Геннадию Михайловичу Гатилову, Андрею Михайловичу Вавилову, Михаилу Ефимовичу Кокееву, Алексею Леонидовичу Федотову, Василию Алексеевичу Небензе, Эдуарду Иосифовичу Саруханяну, Сергею Борисовичу Кононунченко, Александру Сергеевичу Алимову, Сергею Юрьевичу Васильеву, Григорию Владимировичу Устинову, Ивану Алексеевичу Новикову, Анне Вячеславовне Нечипоренко, русским предпринимателям Сергею В. Исакову, Наталье Валериевне и Антону Михайловичу Треушниковым, редактору этой книги Инессе Владимировне Краснослободцевой.

Спасибо моим дорогим землякам – белорусам, бережно разместившим текст второго издания книги в своих газетах и литературно-художественных журналах.

Владимир Зимянин

Москва – Минск – Женева, 2014–2019 гг.

* * *

Михаил Васильевич Зимянин ушел из жизни 1 мая, в день, который в СССР и странах социализма отмечался как международный праздник солидарности трудящихся. Прощались с ним 5 мая – в советский День печати. Поминальный девятый пришелся на празднование Великой Победы – 9 мая 1995 года.

Поневоле ловишь себя на мысли о том, что даже даты, связанные с его кончиной, по-своему знаменательны. Они словно отражают его жизненный путь – труженика, журналиста, воина.

Да и родился он в Витебске 21 ноября (8 ноября по старому стилю) 1914 года, в день, когда православный русский народ празднует честь и память Архистратига Михаила, вождя воинства Господня, защитника веры и хранителя людей, главного борца против сатаны. По святцам и был наречен Михаилом. Его батюшка Василий Мартынович Зимянин родом из деревушки Земцы, название которой чем-то созвучно семейной фамилии, трудился машинистом на рижско-орловской железной дороге.

После безвременной кончины отца в 1921 году мать Мария Коренева с детьми переехала в Земцы. Через год Михаил пошел в сельскую семилетнюю школу, а когда ему исполнилась пятнадцать лет, старший брат Владимир привел его в витебское паровозоремонтное депо. Вскоре трудолюбивый и шустрый подросток овладел хлопотным ремеслом помощника машиниста.

Благодаря природной сметливости и неумной тяге к знаниям Михаил успешно закончил в 1934 году педагогический техникум и в течение двух лет преподавал историю в средней школе. Одновременно в качестве литработника сотрудничал с минской газетой «Коммунист Белоруссии».

В октябре 1936 года Зимянина призвали на военную службу. По воспоминаниям его полкового друга Кирилла Мазурова, Михаил, «живой и компанейский, добрый и ровный в общении с товарищами, хотя и острый на язык... выделялся своей эрудицией (заочно учился в Могилевском педагогическом институте) и быстро завоевал авторитет у товарищей и командования. После окончания полковой школы Михаила Зимянина назначили редактором газеты нашей части».

* * *

В 1938 году партийную организацию Белоруссии, переживавшую полосу жестких массовых чисток, возглавил сталинский выдвиженец Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Ознакомившись со списком репрессированных и подлежащих аресту людей, новый руководитель республики немедленно направил Сталину докладную записку. Пономаренко удалось доказать необоснованность и вредность репрессий в Белоруссии. Особенно подействовал на Сталина тот факт, что народные поэты Янка Купала и Якуб Колас были также внесены в списки врагов народа. Сталин приказал прекратить преследования руководящего состава и творческой интеллигенции Белоруссии. По его указанию классики белорусской литературы Купала и Колас были награждены орденами Ленина.

Пономаренко рассказывал, что Сталин послал его в Белоруссию с четкими указаниями прекратить репрессии.

– Чего они добиваются? Что им нужно? – вопрошал Сталин, имея в виду белорусских чекистов. – Там так много людей пострадало, и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года), а они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок – остановите репрессии.

– А как это сделать? – решился спросить Пономаренко.

Сталин посоветовал:

– Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери – и пусть идет домой.

Пономаренко ответил:

– Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться.

Сталин сказал, что, конечно, «не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. Оттого, как вы себя поставите, будет зависеть ваш авторитет и успешность работы».

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии в Минск, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела и стал вызывать к себе осужденных.

В деле одного из них говорилось: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально было именно так. Когда в двадцатом году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Некоторые семьи оказались разделенными. Этот гражданин гнал качественный самогон. На польской стороне – сухой закон, и к нему за самогом приходили поляки, в том числе довольно известные, среди которых были полковник Бек (потом он стал министром иностранных дел Польши) и маршал Рыдз Смиглы. Если хорошо наугощаются, то и ночевать оставались. А иногда он сам носил им самогон, пересекая, таким образом, государственную границу.

Пономаренко, выслушал его и сказал:

– Иди домой. Прямо из кабинета. Свободен.

А мужик отказывается:

– Как это «иди»? До дома далеко, мне надо сначала пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку.

И ушел только после того, как получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая строка – на «О», третья – на «Ш». В результате получается акrostих «Сталин – вош». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим:

– Вы неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком.

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал жестко:

– Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится.

Недовольные, видимо, быстро поняли, что это не острословие, а предупреждение, и все пошло, как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал:

– Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас еще много.

Это один из многих эпизодов работы Пономаренко в Белоруссии. До конца жизни он сохранил к Сталину глубокое уважение, считая его великим деятелем истории.

* * *

О Зимянине пишут разное. Одни отзываются о нем уважительно, воздавая должное его заслугам, иные сдержанны в оценках, а кому-то он просто не по душе.

Так, историк и публицист Сергей Николаевич Семанов, долгие годы собиравший материалы о советских руководителях, опубликовал две книги – жизнеописания Л. И. Брежнева и Ю. А. Андропова. От последнего С. Н. Семанов немало натерпелся, фактически угодив в начале 1980-х годов под домашний арест. В те времена член КПСС, главный редактор журнала

«Человек и закон» С. Н. Семанов распространял в писательских и журналистских кругах, как это следует из секретной докладной КГБ, «клеветнические измышления о проводимой КПСС и Советским правительством внутренней и внешней политике», допуская «злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства». Очевидно и то, что для КГБ не было секретом тайное сотрудничество Семанова с эмигрантскими изданиями. «Рабочий, так сказать, секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин, одноклассник Андропова, так и не был введен в Политбюро; здоровый и подвижный, он отличался нерешительностью и слабохарактерностью, боялся сам принимать мало-мальски важные решения (о происхождении его супруги говорили разное...)», – пишет Семанов в биографии Андропова. Следующее упоминание о Зимянине уже из книги о Л. И. Брежнев. «Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев был ничтожеством из ничтожеств». Новым секретарем, его сменившим, «стал бывший редактор “Правды” М. В. Зимянин. Был он таких же дарований, как и его предшественник, но, человек Суслова, он явно был сторонником его “интернациональной линии”».

В воспоминаниях «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева, носящих примечательное название «Омут памяти», можно прочесть следующее: «Любопытный человек Михаил Зимянин. Партизан. Комсомольский, а затем партийный секретарь в Белоруссии, посол во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел, главный редактор “Правды”. Как раз в это время (1973 год. – В.З.) у меня сложились с ним добрые отношения, достаточно открытые. Мы доверяли друг другу. На Секретариате ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать и иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в “Литературке”, позвонил мне и сказал добрые слова». (Речь идет о яковлевской статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете» в 1972 году. В этой статье Яковлев в худших традициях вульгарно-социологической литературной критики подверг нападкам творчество выдающихся советских русских писателей и поэтов патриотического направления. Откровенная русофобия новоявленного «литературоведа» вызвала раздражение у Брежнева. «Этот мудак хочет поссорить нас с русской интеллигенцией», – буркнул он в сердцах и распорядился убрать Яковлева из аппарата ЦК КПСС. Яковлева отправили послом в Канаду, откуда он был возвращен при Андропове спустя десять лет. – В.З.)

«Я отправился в Канаду с этим образом Михаила Васильевича. В один из отпусков решил зайти к нему. В первые же минуты он соорудил изгородь. Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить – стена из междометий. Я встал, попрощался, но тут он пошел провожать меня, дошел даже до коридора, глядя на меня растерянными глазами, буркнул: “Ты извини, стены тоже имеют уши”. Собеседник мой боялся, что я начну обсуждать что-нибудь сакраментальное, как бывало прежде. Больше я к нему не заходил.

Когда я вернулся в Москву, он уже был секретарем ЦК. Однажды он пригласил меня по делам института... (По возвращении из Канады Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. – В.З.) Во время разговора раздался звонок Андропова. Зимянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: “Есть”. Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: “Ты не говори, что присутствовал при разговоре”».

Академик-американист Георгий Арбатов в своей книге «Человек системы» пишет о том, что «все были рады», когда М. В. Зимянин сменил Демичева на посту секретаря ЦК по идеологии. «Репутация у него была неплохая, но на посту секретаря ЦК с ним что-то произошло. Может быть, он не выдержал испытания властью. А может быть, это было возрастное. Но во всяком случае Зимянин стал совсем другим, превратился в покровителя реакционеров, а в некоторых неблагоприятных делах (в частности, в попытке разгромить в 1982 году ИМЭМО АН СССР) активно участвовал сам». В главе, посвященной Ю. В. Андропову, утверждается, что тот придерживался нелестного мнения о Зимянине и не раз Арбатову об этом говорил.

Бывший редактор «Комсомольской правды», бывший руководитель Всесоюзного агентства по авторским правам, бывший министр иностранных дел СССР, бывший посол в Великобритании и Швеции, ныне проживающий в Стокгольме Борис Дмитриевич Панкин в своих воспоминаниях «Пресловутая эпоха» приводит следующий рассказ известной советской писательницы Мариэтты Шагинян о встрече с М. В. Зимяниным.

«Когда-то давно, она не помнила, то ли в сорок восьмом, то ли в пятьдесят шестом она пришла в Праге в советское посольство. Хотела раздеться.

– Вдруг какой-то маленький человечек бросился взять у меня пальто. По старой буржуазной привычке я протянула ему крону, и он взял эту крону. Я спросила, как пройти к послу, он рассмеялся и сказал, что он и есть посол. Вот такой он тогда был. Кстати, крону мне так и не вернул, по-моему. Может быть, взял ее на память».

Точности ради, отметим, что М. В. Зимянин возглавлял посольство СССР в Чехословакии в 1960–1965 годах, а приведенный Панкиным забавный эпизод относится к лету 1963 года, когда Шагинян провела несколько недель в Праге, собирая материалы для книги о чешском композиторе Йозефе Мылшивеке.

Вторая встреча, о которой Мариэтта Сергеевна поведала Панкину, состоялась уже в ЦК КПСС. Писательница пришла к секретарю ЦК по идеологическим вопросам М. В. Зимянину с просьбой помочь приобрести дачу в Переделкино, а тот отказал, да еще и выговорил ей: «Как это можно? Коммунист не должен иметь никакой собственности. Вот посмотрите на меня. (А он, между прочим, блестяще одет, – отмечает Шагинян.) У меня нет ничего. У моих детей нет ничего. Они не пользуются никаким блатом».

Шагинян в гневе покинула секретарский кабинет, а Зимянин, по ее словам, бросился за ней, просил «не сердиться, задержаться». Но негодующая писательница ушла. «Он вообще изменился, боже, как он изменился, – восклицала Шагинян. – Он ведь был сталинист, ярый сталинист, когда началось все это. А теперь совсем другое. Как сумел он попасть в масть?»

По прочтении этого отрывка поневоле возникает вопрос: для чего профессиональный журналист Борис Панкин, небезразличный к литературной форме, столь тщательно воспроизводит косноязычие девятидесятилетней литераторши, не утруждая себя ни редакторской правкой, ни, казалось бы, полезными комментариями? Попробуйте с ходу определить, что фраза «когда началось все это» означает период хрущевской «оттепели», а «теперь совсем другое» – брежневский «застой». В то же время нужны ли эти объяснения? Вот как ухитрился «попадать в масть ярый сталинист» Зимянин? Думается, устами старушки Шагинян этот вопрос задает сам Панкин.

«Отличался объективностью и здравомыслием, – характеризует М. В. Зимянина представитель так называемой литературы факта Николай Зенькович, автор 30 популярных книг по советской и новейшей российской истории. – Чаще всего любая серьезная коллизия заканчивалась у него в кабинете и не имела продолжения. Деликатный по характеру, вместе с тем он был прямолинейным в суждениях, честным и правдивым в оценках, недостаточно податливым к зигзагам в идейных вопросах. Лично скромный, открытый, контактный, несколько эмоциональный. Говорил очень быстро».

И одновременно мастер «литературы факта» повторяет байку сына Хрущева о том, как посол СССР в Чехословакии М. В. Зимянин в октябре 1964 года позвонил из Москвы, куда он был вызван на Пленум ЦК КПСС, отдыхавшей в Карловых Варах Нине Петровне Хрущевой и поздравил ее с назначением на пост Первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Заодно шустрый посол сообщил ни о чем до той поры не подозревавшей женщине, что «врезал как следует» по методам хрущевского руководства. По недоуменным вопросам Нины Петровны понял, к ужасу своему, что по привычке попросил соединить его с женой Хрущева вместо Виктории Петровны Брежневой.

Обе вместе отдыхали на карловарских водах. Пробормотал в расстройстве что-то невнятное и повесил трубку...

Ну что тут скажешь? Если бы Михаил Васильевич при жизни прочитал эти анекдотические истории о себе, он бы от души посмеялся. Чувство юмора у него было отменное.

Мемуарная зарисовка Станислава Куняева, поэта, публициста, главного редактора журнала писателей России «Наш современник». «Маленький Зимянин» с «глубоко запавшими глазками» разговаривает с Куняевым на банкете по случаю очередного съезда Союза писателей: «А – это опять вы! И когда научитесь отличать евреев от сионистов?» – «Я только этим и занимаюсь в последние годы», – печально отшутился Куняев.

А вот портрет Зимянина, вышедший из-под пера Сергея Викулова, предшественника Куняева на посту главного редактора «Нашего современника»: «В нем не было ничего, что говорило бы о человеке гордом, волевом, самолюбивом: ниже среднего роста, круглое бабье лицо, курносый нос, тонкие губы, негромкий, без басовой струны голос, тараторный, лишенный ораторских интонаций говор». По описаниям Викулова, «щупленький, невысокий» Зимянин постоянно «нервничает», «весь в движении», «подергивается на стуле», «суетливо жестикулирует», говорит «зло и резко», часто прерывает собеседника. Когда же он выступал с трибуны, то «не было в его говорении ни душевного волнения, ни боли, ни тревоги. Этакая ровная, скучная, прошу простить за сравнение, церковная монотонность. Слушаю, хочу записать, а записывать нечего.»

С легкой руки Викулова, а потом и сменившего его Куняева пошла гулять по страницам «Нашего современника» и других изданий патриотического направления формулировка, характеризующая руководство культурой и идеологией советского периода, – «сусловы, зимянины, шауры» (В. Ф. Шауро, заведующий отделом культуры ЦК КПСС в 1965–1986 годах. – В.З.). Сформулировано в полном соответствии с известными образцами советской публицистики. Поневоле вспоминается классическое: «...гитлеры приходят и уходят...» Пренебрежение, презрение, если не ненависть к определенным личностям, сквозят в написанных с маленьких, строчных, букв фамилиях, да еще упомянутых во множественном числе. Имена собственные становятся нарицательными.

«Маленьким», в «мышинного цвета костюмчике», «постоянно шмыгающим носом» – таким запомнился Зимянин поэту, секретарю Правления Союза писателей России В. Сорокину.

У идейного антипода трем последним авторам Евгения Евтушенко свое видение образа Зимянина, который лично к нему относился «весьма неплохо, тем не менее часто и весьма легко впадал в ярость по поводу всего того», что поэт писал и делал.

В книге «Волчий паспорт» Евтушенко живописует, как при объяснениях с ним Зимянина «трясло», он от возмущения по поводу каких-то стихотворений поэта вскакивал со стула, крича: «Это издевательство над всей советской жизнью, над нашим строем!» «При начале перестройки Зимянин несколько раз впадал в истерики – так, он буквально бесновался перед Съездом писателей СССР, перед пленумом СП РСФСР, полутребуя, полуупрашивая писателей не упоминать еще не напечатанный тогда роман “Дети Арбата” Рыбакова, который он сам называл антисоветским».

Забавно, но в своем «Романе-воспоминании» Анатолий Рыбаков пишет следующее: «Итак, роман запрещено даже упоминать. Евтушенко выбросил его из своего выступления. Потом разыскал меня, передал свой разговор с Зимяниным.

– Не думайте, я не испугался, но “скалькулировал”, что мое умолчание будет выгодно для романа.

Я улыбнулся, представляя, как маленький, тщедушный Зимянин насккивает на долговязого Евтушенко.

– Чего вы улыбаетесь? – насторожился Евтушенко. – Повторяю, я не испугался.

– Знаю. У меня нет к тебе претензий. Я никогда не сомневался, что ты мне хочешь помочь».

И снова цитата из книги Евтушенко. Читаем: «Зимянин не замечал, что с каждым днем он все больше и больше становился анахронизмом. Его трагедия была в том, что, будучи субъективно честным человеком, в силу своей запрограммированности на так называемую идеологическую борьбу он превратился в верного Руслана – лагерную овчарку из повести Вадимова, которую учили брать мертвой хваткой всех, кто посмеет выйти из колонны заключенных. Зимянин, как и другие идеологи, был настолько занят надзирательством, что почти не бывал в театрах, и если что-нибудь читал, то только по служебной необходимости.

Однажды он меня неожиданно спросил в редакции “Правды”: “Тут так срабатываешься, что я уже не помню – когда в последний раз стоящую книжку читал. Не посоветуете ли мне что-нибудь почитать?” Я посоветовал ему “Сто лет одиночества”. Такие люди, руководя культурой, сами в ней ориентировались еле-еле. Но все-таки была у них культура чтения, правда, особого склада. Они понимали силу слова, понимали, как самый вроде бы мягкий подтекст может становиться рычагом исторических перемен».

В том же «Волчьем паспорте» не названный по фамилии секретарь ЦК по идеологии, но понятно, что речь идет о Зимянине, распекая поэта за репортаж о Монголии в американском журнале «Лайф», вызвавший возмущение монгольского руководства, «вдруг сварливо добавил:

– И с вашей женитьбой на англичанке вы тоже учудили. Надо же было до такого додуматься! Почему вы все время противопоставляете себя обществу, гусей дразните?!

Я встал и сказал:

– Это мать моих двух детей. Если вы немедленно не извинитесь, я сейчас же уйду...

Он с торопливой гибкостью обнял меня за плечи, усадил:

– Ну, хорошо. Снимаю личный вопрос. Но гусей- то дразнить все-таки не надо. Ни монгольских, ни своих.»

Уже упоминавшийся Борис Панкин в одной из последних своих публикаций так характеризует отношение Зимянина к Евтушенко: «Блажит? – спросил он при мне о Жене кого-то из руководящих деятелей Союза советских писателей.

– Есть немного.

– Анти нет?

– Нет.

– Так что мы не в состоянии это выдержать?..»

В 1964 году познакомился с Зимяниным известный дипломат и журналист, руководивший в 1988–1991 годах Международным отделом ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин: «Небольшого роста, щуплый, подвижный, как ртуть. Большую часть войны партизанил в Белоруссии. С партийной работы попал в дипломаты. Будучи послом во Вьетнаме, Зимянин энергично противодействовал тому, чтобы эту страну постигла полпотовская драма».

В конце лета 1979 года В. М. Фалин, тогда первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК КПСС, с секретарем ЦК М. В. Зимяниным с глазу на глаз обсуждали ситуацию в Афганистане. Страна охвачена гражданской войной, и соотношение сил явно не в пользу правящего режима. Президент Тараки и премьер Амин молят Москву о военной помощи, не только оружием, но и войсками. До осени 1979 года позиция советского руководства сводилась к тому, чтобы оказывать Афганистану политическое и экономическое содействие, в том числе оружием и военной техникой, но не более того.

В этой новой ситуации Фалин задавал вопрос, от кого и с кем теперь защищать афганскую революцию? И он, и Зимянин замечали возросшую активность советского Генштаба и тех отделов ЦК, которым положено заниматься афганской проблематикой. Друг другу они дове-

ряли, поэтому поделились общим печальным выводом: страну втягивают в «авантюру с сомнительным финалом».

Фалин вспоминал, как Зимянин в разговоре с ним с глазу на глаз сказал об Андропове, что тот «знает о каждом из нас больше, чем мы сами знаем о себе».

По мнению Фалина, «внимая фактам, Юрий Владимирович вместе с тем неадекватно реагировал на сплетни» и испытывал аллергию «на инакомыслие любых оттенков». «Судя по всему, венгерский опыт 1956–1957 годов глубоко засел в его подсознании. В несколько заходов я пытался пробудить интерес Андропова к правовому опыту Швейцарии, Англии, США и ФРГ в защите ими государственных устоев. Там закон проводит грань между инакомыслием и инакодействием.

Такого рода рассуждения не пришлись ко двору. И, похоже, не случайно микрофоны подслушивания были моими спутниками».

О совместной поездке с Зимяниным в Афганистан в апреле 1980 года, то есть через четыре месяца после ввода туда наших войск, рассказывал народный артист СССР Иосиф Кобзон. Секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин возглавлял советскую делегацию на праздновании первой годовщины Апрельской революции.

«Мы тогда, как и все советские люди, ничего не знали, и нам стали рассказывать страшные вещи о том, какая здесь идет война, как погибают наши ребята. Летчики погибают, десантники погибают... Ребята наши там находились в тяжелом психологическом состоянии. Они не знали, за что их прислали сюда воевать».

Певец обратился к Зимянину: «Надо выступить перед ребятами». На что Зимянин, по утверждению Кобзона, ответил: «Нельзя, пока еще наши взаимоотношения с Афганистаном не стали достоянием гласности».

«Но они гибнут!»

«Кто тебе сказал?»

«Очевидцы».

Зимянин велел Кобзону посоветоваться с послом, бывшим лидером Татарстана Ф. А. Табеевым.

Тот заявил: «Нежелательно. Опасно».

Кобзон возмутился: «Что значит “опасно”? Надо постараться как-то поднять боевой дух наших воинов!»

Снова пошел к Зимянину, который, немного помолчав, пристально глянул на певца и сказал: «Ну, ладно, попробуй».

Кобзон без промедления отправился во дворец Амина, где располагался штаб 40-й армии, и дал первый концерт.

В течение десяти лет войны в Афганистане певец ежегодно приезжал с концертами к нашим солдатам.

Еще одно любопытное высказывание о М. В. Зимянине, принадлежащее Ричарду Косолапову, бывшему главному редактору журнала «Коммунист». Зимянин ценил его как философа-теоретика и относил, как и В. Г. Афанасьева, о котором речь пойдет далее, к числу своих друзей. «В конце семидесятых годов в связи с приближением 100-летия со дня рождения Сталина, – вспоминает Косолапов, – я внес предложение переопубликовать в журнале “Коммунист” его статью “Октябрьская революция и тактика русских коммунистов”.

– Ты что, хочешь показать, какой Сталин умный? – парировал это предложение секретарь ЦК КПСС по идеологии М. Зимянин.

Вопрос был закрыт. Между тем Зимянин (умерший в мае 1995 года) полностью пересмотрел в конце жизни (якобы под влиянием чтения Гегеля) свое отношение к марксизму и доказал лишь то, что он, как и многие в “застойном” партийном руководстве, занимался не своим делом».

Упомянул Зимянина в своих размышлениях на тему «“Русский орден” в ЦК партии: мифы и реальность», опубликованных в газете «Завтра» в июне 2002 года, руководитель Союза писателей России, в прошлом крупный комсомольский деятель, В. Н. Ганичев.

Зимянин на всероссийском совещании журналистов устроил Ганичеву, тогда главному редактору «Комсомольской правды», разнос за серию статей о взяточничестве высокопоставленных руководителей в Ставрополе, Краснодаре, Сочи. Мол, «Комсомолка» тщится доказать, что в СССР есть коррупция. Позднее уже на писательском съезде Зимянин подошел к Ганичеву и жестко сказал: «Вы должны уйти из “Комсомольской правды”. Только не жалуйтесь... (Ганичев полагал, что принимавшие по его кандидатуре решение партийные аппаратчики опасались заступничества М. А. Шолохова, который с большой симпатией относился к “Комсомолке” и ее главному редактору. – В.З.). Мы вас убираем по возрасту. (Хотя сам Ганичев, по его убеждению, был значительно моложе первого секретаря ЦК ВЛКСМ и многих других именитых комсомольцев. – В.З.) Вот, пожалуйста, “Роман-газета”, вы с писателями дружите, сами пишете, вам и карты в руки.” Я уже был членом Союза писателей и понял, что надо уходить в литературную нишу, скрываться от преследований товарищей по партии, да и духовно мне там было бы интереснее. Я дал добро. Так и поговорили с Зимяниным. Так что попытка сделать из “Комсомольской правды” оплот патриотизма, подобный “Молодой гвардии” у меня не вышла».

На одной из встреч с журналистами М. В. Зимянин уже в качестве Секретаря ЦК КПСС обрушился, по воспоминаниям В. Н. Ганичева, на публикацию Владимира Солоухина, посвященную проблеме сохранения русских памятников старины. «“Пишут, черт его знает что! Вот опять об этой Оптиной пустыне (делая то ли специально неправильное ударение, то ли по безграмотности). Что, у нас нет настоящих памятников революционерам, героям? Пишите себе!” Да, может быть, не самый атеистически мракобесный человек был Михаил Васильевич, но невежда безусловный», – заключает В. Н. Ганичев.

Пройдут годы, и один из самых близких мне людей – руководитель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев напишет об отце по-иному:

«Когда меня утверждали главным редактором “Комсомолки”, то собеседование со мной проводил Секретарь ЦК партии М. В. Зимянин, человек в стране известный и бывалый, да к тому же много видевший и мудрый. Ведь он был из той преданной и честной группы белорусских партизан, которые в боях, болотах и лесах это подтвердили, а потом были на разных ответственных участках работы в стране.

Михаил Васильевич побывал везде: поработал в областях, послом во Вьетнаме и Чехословакии, даже главным редактором в самой “Правде”, что для нас, работающих в комсомольских изданиях, было недостижимой вершиной, почти Эверестом. Он поспрашивал меня о работе в издательстве, где я уже был десять лет, почувствовал, что издательское дело я знаю, выслушав мои энтузиастические ответы. И потом, посмотрев на меня умудренными и немного печальными глазами, спросил, не требуя ответа: “А что самое главное в газете?”

Я подумал: “Ну, художественный уровень, ну, идейность, ну, четкость, соответствие задачам общества, эрудированность журналистов, в общем, подбор кадров, да и...”

Михаил Васильевич, по-видимому, вспоминая что-то свое, а может, и прозревая мое будущее, ответил сам себе: “В газете главное – знать, кто за кем стоит”.

Нельзя сказать, что я это понял тогда, но позднее уяснил. Хотя в той же “Молодой гвардии” немного бесшабашно, наступательно вели русскую тему, печатали книги о еще не известных широкому читателю фактах истории, раскрыли на том уровне вопрос о масонстве, критиковали ревизионизм, сионизм, католицизм. Не скажу, что в этих публикациях было все верно, блистало эрудицией, но заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК Владимир Севрук, тихо прокладывая путь перестройке, крушению Советского Союза, внимательно вглядываясь в нас, вслух размышлял: “Знать бы, кто за вами стоит?” Но за нами никого, кроме России,

не стояло. А “русской партии”, которой пугают современные либералы, не было, да, пожалуй, и сейчас нет».

Бывший главный редактор «Советской России», руководитель Комитета по радиовещанию и телевидению в 1989–1990 годы М. Ф. Ненашев высказался об отце следующим образом: «Не стану приписывать М. В. Зимянину качества защитника и радетеля главных редакторов, ибо знаю, при строгой тогда иерархии партийной власти он мог только то, что ему было отведено, и не больше. Не знаю, часто ли брал он под защиту нашего брата – редактора, когда над его головой зависал меч расправы, но знаю, что не был он инициатором такой расправы».

С интересом и благодарностью к автору прочитал воспоминания об отце известного политического деятеля и журналиста Виталия Игнатенко в его книге «Со мной и без меня» (книга издана в 2016 году).

«Михаил Васильевич Зимянин, бывший партизан, во время войны первый секретарь подпольного ЦК комсомола Белоруссии, дипломат, Герой Социалистического Труда, к прочим достоинствам – бывший главный редактор “Правды”, уже несколько лет был секретарем ЦК КПСС. По-моему, более человечного, принципиального, доступного и мудрого человека в секретариате ЦК не было. Вы можете себе представить, что сегодня чиновник любого руководящего органа России (не первого эшелона!) взял бы сам трубку правительственной и очень неправительственной связи, если его добивался кто-то из журналистского цеха? Я не могу. Сталкивался с чиновничьим беспределом. Михаил Васильевич Зимянин считал оправданным, полезным выслушивать все “из первых рук”».

Вот дежурный диалог секретаря ЦК КПСС и главного редактора журнала «Новое время» (В. Н. Игнатенко. – В.З.). Звонок. Зимянин: «Чем занимаешься?» – «Сторожу рукописи, как младший из братьев Гонкур» – «Не до шуток. Давно на ковре не стоял? Подтягивайся ко мне, разговор есть».

Разговоры всякий раз были очень злободневные, касались в основном ситуации в СМИ. Но иногда затрагивались и другие темы.

И однажды Зимянин неожиданно для Игнатенко поручил ему заняться вопросом об Олимпийских играх 1988 года в Южной Корее, с которой у СССР не было дипломатических отношений. До этого наши спортсмены пропустили Олимпиаду в Лос-Анджелесе в знак протеста против бойкота Запада московской Олимпиады 1980 года. Теперь же советское руководство склонялось к тому, чтобы вновь не участвовать в Олимпийских играх. Зимянин, который курировал среди прочих и вопросы спорта, поддерживал точку зрения первого вице-президента Международного олимпийского комитета В. Г. Смирнова, открыто заявляющего, что наше неучастие нанесет непоправимый ущерб отечественному спорту и в целом всему олимпийскому движению.

«Аргументы Смирнова, – вспоминал Игнатенко, – признаться, слушали вполуха. Он-де из олимпийской семьи, далек от политических резонансов».

М. В. Зимянин поступил по-партизански... «Вот такое тебе поручение. Ты – журналист. Журнал твой не партийный, вроде даже отвязанный. Поезжай в Сеул. Посмотри, что к чему. Сможешь – повидайся, с кем надо. Но никаких авансов! Никаких намеков! Заглянул, посмотрел, уехал. Мне доложишь лично».

Со своей задачей, вполне детективной по характеру, В. И. Игнатенко справился блестяще. Он даже умудрился встретиться с непримиримым лидером оппозиции правящему режиму Ким Ен Самом, который сказал ему следующее: «Вам обязательно надо прислать команду. Надо думать о будущем. Это может примирить наши страны».

«Через десять дней с полным блокнотом впечатлений, заявлений и своими собственными выводами я предстал перед М. В. Зимяниным. Секретарь ЦК все выслушал, не комментировал... Вопросы его были точны и по делу. Особенно его заинтересовал Ким Ен Сам.

– Давай-ка где-то потом пригласи его в Москву, – сказал Зимянин. – Попроси Женю Примакова, чтобы по линии Института мировой экономики и международных отношений ему оказали самый радушный прием.

Получалось, что тема Олимпиады как бы ушла на второй план. Но это только казалось. Мои скромные журналистские выводы вряд ли были решающими. Решимость М. В. Зимянина, отделов ЦК – пропаганды и международного, МИДа, Спорткомитета, а также лично президента МОК Самаранча, его первого заместителя Виталия Смирнова сыграли главную роль.

Больше всех радовался этому Михаил Зимянин.

А я приобрел на всю жизнь замечательного корейского друга – Ким Ен Сама (он после Ро Де У стал президентом Республики Корея)».

* * *

Гибель Юрия Алексеевича Гагарина 27 марта 1968 года потрясла страну. Александр Трифонович Твардовский, давно оставивший стихи, сразу попытался написать что-то в память о первом космонавте. Вскоре с досадой отложил тетрадь: «Пашня не на той глубине».

Но боль утраты не оставляла. Каждый вечер он возвращался к стихам о Гагарине. О том, что произошло дальше, можно прочитать в дневнике Твардовского:

«12 апреля 1968 г.

Приезжаю с последним вариантом “Гагарина” в редакцию, где ждет гранка из “Правды”. Вдруг Зимянин (тогдашний редактор “Правды”) говорит:

– Стихи очень искренние, трогательные, не говорю уж о мастерстве, что тут говорить – я преклоняюсь... Но с политической стороны... Недостаточно чувства патриотизма, не сказано даже, что это партия послала его в космос, советская родина. Стихи, извините меня, беспартийные.

– Хорошо, снимите их.

– Что же вы сразу с позиции обиды...

– Не с позиций обиды, а с позиций достоинства серьезного автора, которому говорят детские вещи. Если вы не усматриваете в этом стихотворении патриотического чувства, то не затрудняйтесь, снимите.

– Вот вы как...»

Стихи Твардовского о Гагарине так и не появились в главной газете страны. Привожу их с волнением. Уверен, что отец, одним из любимых поэтов которого был Твардовский, позже сожалел о своем решении.

Памяти Гагарина

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам.
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле – зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой
Вселенной Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слышал про тех князей.

Фамилия – ни в честь она, ни в почесть,
И при любой – обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, и мать,

Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней,
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути
Не меньшее, чем подвиг, испытанье, —
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем нескупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить, — не даром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком.

* * *

Театральный художник Борис Асафович Мессерер в 800-страничном томе воспоминаний под названием «Промельк Беллы» рассказывает о приеме секретарем ЦК М. В. Зимяниным его супруги Б. А. Ахмадулиной по вопросу о ее поездке во Францию по приглашению Марины Влади. Снова без цитаты не обойтись: «Зимянин принимал Беллу строго по-деловому, интересуясь деталями заполнения анкеты. Правда, он подсматривал ее имя-отчество, записанное на специальной бумажке, лежавшей в ящике его письменного стола, который он каждый раз выдвигал, чтобы свериться с текстом, прежде чем уважительно к ней обратиться. К тому же он, как бы незаметно для Беллы, вытягивал из приоткрытого ящика сигарету “Marlboro” для себя, вежливо угощая Беллу “Столичными”, которые лежали на столе.

Белла мучительно вспоминала, что ей наказал Вася Аксенов, но слова вылетели из памяти, и лишь в последний момент она выпалила:

– Я не крепостная девка Белка! И хочу поехать по этому приглашению!

Зимянин поднял брови и сказал:

– Спокойнее, спокойнее, Белла Ахатовна!

Но выезд все же разрешил!»

Все было бы интересно и даже забавно в этом отдающем словоблудием сюжете, если бы не одно обстоятельство. Беседа Зимянина с впечатлительной поэтессой происходила в 1978 году. К тому времени Михаил Васильевич уже четыре года не курил из-за тяжелой болезни легких.

Сюжет с сигаретами напомнил мне эпизод из советского детективного фильма пятидесятых годов «Ночной патруль», где жуликоватый и вороватый бухгалтер в блистательном исполнении Сергея Филиппова в беседе со следователем признается, как сложно ему вести двойную жизнь:

– В левом кармане держу коробку «Тройки», сигарет с золотым обрезом из отборного табака, а в правом – пачку дешевых папирос «Беломорканал», и все время боюсь перепутать!

Явно хотелось Мессереру и Ахмадулиной показать Зимянина еще и таким жульничающим фокусником, манипулирующим с ящиками своего стола и с пачками сигарет.

Испытываешь неприятные чувства, когда читаешь подобные опусы, сочиненные известными деятелями отечественной культуры. Так и напрашивается булгаковское «Поздравляю вас, господин, соврамши!»

А вот байку Виктора Шендеровича «Близость к первоисточнику», опубликованную в его сборнике «Изюм из булки», привожу не без удовольствия:

«Как-то, в самый разгар застоя, Смоктуновскому предложили написать статью о Малом театре, где он в ту пору играл царя Федора Иоанновича, – статью, ни больше ни меньше, для “Правды”. Ну, он и написал о Малом театре – некоторую часть того, что он к этому времени о Малом театре думал.

А думал он о нем такое, что вместо публикации, через несколько дней, Смоктуновского попросили зайти на Старую площадь, к Зимянину.

Справка для молодежи: на Старой площади располагался ЦК КПСС (сейчас там, по наследству, наводит ужас на страну Администрация президента), а Зимянин был некто, наводивший симметричный ужас при советской власти.

По собственным рассказам Иннокентия Михайловича, когда он вошел в кабинет и навстречу ему поднялся какой-то хмурый квадратный человек, артист сильно струхнул. Но это был еще не Зимянин, а его секретарь. И кабинет был еще не кабинет, а только предбанник.

Зимянин же оказался маловатого роста человеком – совсем малого, отчего Смоктуновскому стало еще страшнее.

– Что же это вы такое написали? – брезгливо поинтересовался маленький партиец. – Мы вас приютили в Москве, дали квартиру, а вы такое пишете...

Член ЦК КПСС был настроен основательно покуражиться над сыном Мельпомены, но тут на Смоктуновского накатило вдохновение.

– Пишу! – заявил вдруг он. – Ведь как учил Ленин?

– Как? – насторожился Зимянин.

Тут бывший Гамлет распрямился во весь рост и выдал огромную цитату из лысого. К теме разговора цитата имела отношение самое малое, но факт досконального знания совершенно выбил Зимянина из колеи.

– Это из какой статьи? – подозрительно поинтересовался он, когда первый шок прошел. Смоктуновский сказал.

Зимянин подошел к книжному шкафу с первоисточниками, нашел, проверил – и, уже совершенно сраженный, снова повернулся к артисту:

– Ты что же это, наизусть знаешь?

– А вы разве не знаете? – удивился Иннокентий Михайлович, и в голосе его дрогнули драматические нотки. Мол, неужели это возможно: заведовать идеологией и не знать наизусть Владимира Ильича?

Агентура донесла, что вскоре после этого случая Зимянин собрал в своем кабинете всю подчиненную ему партийную шушеру и устроил разнос: всех по очереди поднимал и спрашивал про ту цитату. Никто не знал.

– А этот шут из Малого театра – знает! – кричал член Политбюро.

...Смокуновский с трудом отличал Маркса от Энгельса – но как раз в ту пору озвучивал на студии документального кинофильм про Ильича, и в тексте был фрагмент злосчастной статьи.

Профессиональная память – полезная вещь».

На мой взгляд, смешно, а главное, очень похоже! Уверен, что, если бы Михаилу Васильевичу довелось при жизни прочитать о себе нечто подобное, он бы от души повеселился. Спасибо Виктору Анатольевичу за такое напоминание о моем отце!

* * *

Уже по приведенным цитатам становится понятно, что писать о М. В. Зимянине непросто. Судьба его сложилась так, что довелось ему быть не только свидетелем, но и участником важных событий отечественной истории, которые до сих пор тревожат умы. Он прожил трудную, полную драматических эпизодов, до предела насыщенную событиями жизнь. Да, случалось, он ошибался, иногда терпел поражения и довольно тяжелые, но все же чаще достойно преодолевал выпадавшие на его долю испытания.

Выйдя на пенсию, Михаил Васильевич начал работать над воспоминаниями. В то же время ему, в полной мере познавшему искус оперативной журналистской работы, хотелось делиться своими впечатлениями и размышлениями о повседневной политической жизни страны. Время от времени его статьи и заметки появлялись в любимой им «Правде».

Публицистическое дарование отца, помноженное на огромный опыт профессионального политика, способного предугадывать развитие событий, пожалуй, наиболее ярко проявилось в статье «Маневры закончились – начался штурм Советов», опубликованной в «Правде» 19 марта 1993 года. Статья, к несчастью, оказалась пророческой. Через полгода по ельцинскому приказу среди бела дня в центре Москвы танки расстреляли здание, в котором укрывались опальные депутаты Верховного Совета России.

Тяжелая болезнь помешала Михаилу Васильевичу завершить работу над воспоминаниями. Некоторые отрывки из незаконченной рукописи удалось опубликовать в форме интервью в белорусской газете «Звезда» в июле-августе 1992 года и в московском еженедельнике «Политика» в 1992–1993 годах.

Он был счастлив, когда его пригласили участвовать в подготовке сборника «Живая память», посвященного пятидесятилетию Великой Победы. Статья М. В. Зимянина как одного из организаторов партизанского движения открывала раздел документальных свидетельств о всенародной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Он успел увидеть свою работу напечатанной.

Как уже говорилось, Михаилу Васильевичу довелось участвовать во многих событиях, которые можно назвать поворотными в судьбе Советского государства. Но не было, пожалуй, в жизни М. В. Зимянина времен более сложных и драматичных, чем те, что наступили для него после смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 года.

Он избегал говорить об этом периоде. Напоминания причиняли ему боль. Даже когда во времена горбачевской гласности стали появляться публикации, в которых искажалась суть событий в Белоруссии в марте – июне пятьдесят третьего года и роль М. В. Зимянина в этих событиях, он предпочитал отмалчиваться. Только на исходе дней нашел в себе силы рассказать близким о том, что долгие годы таил в памяти. Мог ли он предвидеть, что определенные политические силы в постсоветской Белоруссии будут использовать его имя, выхватив из драматических событий лета пятьдесят третьего года идею «белоруссизации», и вновь попытаются развести русских и белорусов...

* * *

Вечером 8 июня 1953 года в кабинете заведующего Четвертым Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина раздался звонок. Звонили по городскому телефону. «Михаил Васильевич? Добрый вечер. Вас беспокоят из секретариата товарища Берия. Лаврентий Павлович просил Вас перезвонить ему по кремлевской связи».

Через минуту Зимянин разговаривал с Берия. На вопрос, как он попал в МИД, Зимянин ответил, что в апреле после его встречи с В. М. Молотовым состоялось соответствующее решение Президиума ЦК КПСС, и он перешел на работу в центральный аппарат МИДа. «Знаете ли Вы белорусский язык?» – неожиданно спросил Берия. «Знаю», – последовал ответ. «Вызову Вас на беседу», – буркнул Берия и повесил трубку.

Зимянин сразу же перезвонил Молотову и доложил ему о разговоре с Л. П. Берия. Но вопреки ожиданиям Молотов принял его только утром следующего дня. Поздоровавшись, министр вопросительно посмотрел на Зимянина.

– Мне думается, Вячеслав Михайлович, речь может пойти о моем переводе на работу в систему Министерства внутренних дел. – Зимянин старался скрыть волнение. – Очень бы просил Вас принять во внимание мое желание продолжать службу в Вашем министерстве.

Молотов сухо ответил, что, по его мнению, предложение Лаврентия Павловича может быть иным. И ему, Молотову, будет трудно возражать против этого предложения.

Спустя несколько дней Зимянину снова позвонил помощник Берия и опять попросил воспользоваться для разговора кремлевской связью. На этот раз Берия предложил Зимянину явиться к нему в понедельник вечером 15 июня.

Поздоровавшись, Берия задал прежний вопрос: как Зимянин попал в МИД? Когда тот начал отвечать, прервал его: «Решение, принятое в отношении Вас неправильно, более того, ошибочно!»

– Мое дело солдатское, – слегка опешив, сказал Зимянин. – Не могу рассуждать, правильно или неправильно решение ЦК партии. Я обязан выполнять его.

– Нет, – досадливо поморщился Берия, – Ваше дело не совсем солдатское. И даже вовсе не солдатское. Что, все белорусы такие на удивление спокойные? На руководящую работу их не выдвигают – они молчат, хлеба дают мало – они молчат. Да узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что же за народ белорусы?

– Белорусы народ хороший, товарищ Берия, – ответил Зимянин, озадаченный таким ходом беседы.

– Ладно. А как Вы оцениваете товарища Патоличева?

– Мне недолго довелось с ним работать, – осторожно начал Зимянин, – как известно, он крепкий хозяйственник...

Берия резко взмахнул рукой, прервав собеседника.

– Напрасно разводите «объективщину», товарищ Зимянин! Патоличев никуда не годный руководитель, да и человек пустой!

Грустно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и остановился за спиной Зимянина.

– Я подготовил докладную записку в ЦК, – с подчеркнутой значимостью произнес Берия, – в которой оцениваю положение дел в Белоруссии с проведением национальной политики и с колхозным строительством, как крайне неудовлетворительное. Такое положение надо срочно поправлять. И предстоит этим заняться Вам, товарищ Зимянин!

Берия вернулся за стол, снял пенсне, подышал на стекла, медленно их протер фланелевой салфеткой. Прищурившись, посмотрел на Зимянина.

– Я бы посоветовал Вам не искать себе «шефов», чем грешили Ваши предшественники.

– «Шеф» в партии один – Центральный Комитет, товарищ Берия, – скорее отпарентовал, чем ответил Зимянин.

– И правительство, – жестко дополнил Берия.

– Разумеется, – подтвердил Зимянин. – И ЦК партии, и правительство неотделимы друг от друга.

– Хорошо, – удовлетворенно заключил Берия и вдруг повторил с угрозой. – Не советую искать «шефов»!

– Учту Ваш совет, товарищ Берия, – спокойно отозвался Зимянин и, думая, что беседа закончена, поднялся из-за стола.

– Не торопитесь, товарищ Зимянин, – остановил его Берия, но садиться уже не предложил. – Вы, должно быть, не в курсе того, что нами назначен новый министр внутренних дел Белоруссии? Это товарищ Дечко. Ряд белорусских товарищей займут посты начальников областных управлений республики. Вам следовало бы познакомиться с ними. Вообще надо всячески поддерживать чекистов, товарищ Зимянин.

– Чекисты не могут пожаловаться на отсутствие поддержки со стороны ЦК Компартии Белоруссии.

– Повторяю: надо поддерживать чекистов! У них работа острая. Знайте, что в свою очередь их долг поддерживать Вас!

Берия встал и, уже протягивая на прощание руку, осведомился, читал ли Зимянин его записку о Белоруссии, и тут же распорядился принести ее и на первой странице размашисто начертал: «Ознакомить т. Зимянина».

В дверях Зимянин в третий раз услышал предостережение не искать себе «шефов».

Записка Берия в Президиум ЦК КПСС, датированная 8 июня 1953 года, о неудовлетворительном использовании национальных кадров в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях Белоруссии завершалась предложением выдвинуть на пост первого секретаря ЦК республики «т. Зимянина М. В. – белоруса по национальности, бывшего второго секретаря ЦК КП Белоруссии, недавно переведенного на работу в Министерство иностранных дел СССР в качестве начальника отдела».

Знал ли Зимянин о готовящемся постановлении Президиума ЦК КПСС по Белоруссии, в основу которого легла записка Берия? Мог ли он, 38-летний провинциал, не слишком искушенный в аппаратных играх высшего руководства, предвидеть приближающуюся развязку борьбы за власть внутри правящей после смерти Сталина четверки – Маленкова, Молотова, Хрущева и Берия?

В беседах с отцом – уже после его выхода на пенсию – я расспрашивал его о Сталине. Михаил Васильевич почитал его как выдающегося руководителя партии и государства, признавал непререкаемый авторитет Сталина как одного из лидеров международного коммунистического движения.

Отец впервые встретился с вождем на Второй сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года, будучи избранным депутатом от Молодечненской области. Когда он увидел Сталина, то поразился тому, насколько Сталин в жизни не походил на свои многочисленные портреты. Перед отцом предстал усталый пожилой человек с землистого цвета лицом, усыпанным мел-

кими оспинами. Редкие седые волосы аккуратно зачесаны назад. Худые, морщинистые руки с тонкими нервными пальцами...

На последующих сессиях Верховного Совета СССР отца в силу неведомого ему порядка усаживали в левой части президиума нередко за спиной Сталина. Михаил Васильевич был далек от того, чтобы объяснять такую рассадку особым расположением к нему вождя. В то же время он хорошо понимал, что случайных людей близко к Сталину не подпускали. Сам Сталин не скрывал своих особых симпатий к белорусам и часто называл их «хорошим народом».

Так и не довелось Михаилу Зимянину узнать о докладной записке всесильного сталинского кадровика Г. М. Маленкова, направленной вождю в апреле 1947 года по результатам собеседования с кандидатом на пост секретаря ЦК Белоруссии. Тогда Зимянин возглавлял Министерство просвещения республики.

Беседа с секретарем ЦК Г. М. Маленковым, который, как и в сталинские времена, занимался подбором и расстановкой кадров, была предельно краткой. Смысл ее сводился к традиционному партийному «Надо!»: «Белорус? Язык знаете? Вот и хорошо. Мы Вам доверяем. Собирайтесь. Поедете на родину».

Вернувшись далеко за полночь в 627-й номер гостиницы «Москва», где он провел после приезда из Минска несколько тягостных своей неопределенностью недель, Зимянин долго не мог заснуть. Вспомнилась первая встреча с Маленковым в апреле 1947 года в Москве перед назначением на пост секретаря ЦК Компартии Белоруссии.

Тогда, увидев Зимянина, Маленков широко улыбнулся и воскликнул:

– Какой же Вы маленький!

К удивлению всесильного сталинского кадровика, Зимянин шутки не принял:

– Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше! – Круто повернулся и направился к двери.

– Пойдите, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное, – миролюбиво сказал Маленков. Зимянин ему явно понравился.

Остался доволен Георгий Максимилианович и результатами собеседования. Ответы Зимянина были по-военному краткими и точными. По достоинству оценив его искренность и прямоту, Маленков в то же время отметил присущие Зимянину горячность и резкость, о чем и доложил И. В. Сталину.

Тогда, в апреле 1947 года, решением Политбюро ЦК ВКП(б) М. В. Зимянин был утвержден секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Порадовался высокому назначению Зимянина его старший товарищ Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, секретарь ЦК ВКП(б), по праву считавший Михася, как называли Зимянина с партизанских времен белорусы, своим воспитанником.

Бойкий черноволосый паренек, оказавшийся вожакom местных комсомольцев, привлек внимание Пантелеймона Кондратьевича на одном из совещаний в Могилеве в 1938 году. Они разговорились, и Пономаренко удивила начитанность комсомольского секретаря, к тому же еще и студента исторического факультета Могилевского педагогического института.

В 1939 году Михаил Зимянин вступил в ряды ВКП(б). Годом позже Пономаренко выдвинул коммуниста Зимянина на пост первого секретаря республиканского комсомола. Начало войны застало М. В. Зимянина в Белостоке. С частями 3-й, 4-й и 10-й армий Западного и Центрального фронтов, прикрывавших Белоруссию, прошел тяжкий путь, с боями отступая к Барановичам и Минску. Уже в конце июня 1941 года он в числе других белорусских руководителей приступил к созданию в тылу немцев подполья, формированию из местного населения партизанских отрядов, которые усиливались выходящими из окружения солдатами и командирами.

Имя Зимянина часто упоминается в воспоминаниях Кирилла Трофимовича Мазурова, видного государственного и партийного деятеля, на протяжении 13 лет входившего в состав

руководящего органа КПСС – Политбюро. Зимянин считал его одним из самых близких друзей. На большинстве фотографий партизанской поры они рядом.

Мазуров завершил свои мемуары описанием событий лета 1944 года, когда освобождением Минска от немецких оккупантов фактически завершилась партизанская война в Белоруссии. Вспоминает Кирилл Трофимович и о том, как в 1942 году друг его Михаил помог ему разыскать мать, брата и сестру, эвакуированных в Барнаул.

И еще об одном эпизоде военной поры, который упоминается уже в дневниковых записях М. В. Зимянина. В июле 1941 года, когда Михаил Васильевич пробирался из Витебска в Гомель, он вспомнил, что в районе городка Кричева проживала семья его друга – белорусского поэта Аркадия Кулешова. Зимянин разыскал Кулешовых – жену, старика-отца, помог им за полчаса собраться и вывез их в Брянск, откуда они были переправлены за Волгу.

В августе сорок первого на окраине Гомеля Михаил Васильевич в последний раз увиделся с родным братом Володи. Брат чудом вырвался из окружения после боев в Западной Белоруссии, где он в составе электротехнической роты возводил укрепления на новой границе. Крепко обнялись Зимянины на прощанье. Владимира Зимянина, рядового пулеметчика, направили под Киев, где он в кровопролитных боях сложил голову и был похоронен в безымянной солдатской могиле.

Известный литературовед Вадим Валерьянович Кожинов, увлекавшийся историей, беседовал как-то с обозревателем радиостанции «Голос России». Назвав отечественную партизанскую войну «грандиозной», Кожинов заметил, что иногда эту войну не совсем правильно представляют. «В ней видят такую, знаете, войну, которая возникла как бы сама собой. Но так не бывает, это трудно. Конечно, она управлялась из Москвы». В подтверждение сказанного Кожинов сослался на одного из руководителей «тогдашнего партизанского движения, известного человека по фамилии Зимянин», который ему, Кожинову, «очень много рассказывал».

«Михаил Васильевич (кажется, так его звали?), скажите, сколько раз вы были за линией фронта?» Зимянин отвечал: «В 1941 году – один раз, в 1942 году – два, а вот в 1943 году – уже восемь, наверное». Кожинов поверил Зимянину, поскольку тот мог заявить, что «вообще не вылезал из немецкого тыла», и проверить это было бы невозможно. А Зимянин честно сказал и скромно: «Не так много».

«Человек подвижный, необычайно энергичный, целеустремленный, он всех заражал своим энтузиазмом, – рассказывал генерал КГБ СССР, а в годы Великой Отечественной войны герой-партизан, Эдуард Болеславович Нордман. – Его обаяние, широкий политический кругозор, талант организатора, смелость и выдержка в сложной обстановке снискали ему уважение среди партизан».

«В конце февраля 1943 года Пинское партизанское соединение вело тяжелые бои с превосходящими силами оккупантов. На нас бросили сорокатысячную группировку войск, танки, авиацию. Немцы окружили партизан...»

После нескольких дней упорных боев отряды стали отходить на запад, в Логишинский и Телеханский районы. А три роты отряда В. З. Коржа оказались за кольцом окружения. Корж приказал командовать «отколовшимся» отрядом Николаю Баранову, а я стал комиссаром. Пришлось нам выходить в Любанскую партизанскую зону. Это был трудный переход. Мы везли на санях и несли на себе своих раненых. Их предстояло самолетом отправить на Большую землю. Люди измучились до предела.

В штабе Минского партизанского соединения Р. Н. Мачульский и И. А. Бельский отдали приказ нашему отряду временно перейти в их подчинение. Через сутки приказали атаковать крупный гарнизон в Постолах. Капитан Николай Баранов ответил:

– Есть разгромить гарнизон противника.

Я как комиссар отряда возразил: приказ выполнять нельзя. Погубим людей. У партизан по сотне патронов на винтовку, по два диска на РПД. Это на полчаса боя.

А наступать придется по чистому снегу. Надо подкрепить нас патронами, гранатами, дать время на разведку и подготовку к бою. В общем, по своему комиссарскому праву я “тормознул” приказ командира отряда.

Сразу же вызвали в штаб соединения: почему не выполняете приказ? Я объяснил.

– Вы не наши, вы пинские, боеприпасов не дадим.

Завязалась словесная перепалка.

Бельский:

– Вы трусы. Расстреляем за трусость.

– Это кто трус, я? – И за автомат.

Мы с 1941-го знали цену каждому, кто трус, а кто нет. Выражения мои были, разумеется, непечатные.

Зимянин был около хаты и слушал всю эту перепалку. Ворвался разъяренный:

– Как разговариваешь со старшими, мальчишка! Стать смирно!

Я подтянулся, насутился, молчу.

– Как смеешь возражать в таком тоне заместителю командира соединения?

– А как он смеет называть нас трусами? Мы вырвались из пекла, у нас обоз с ранеными. Патроны на исходе, а он посылает на штурм гарнизона. Не поведем людей на верную гибель. Можете меня расстрелять, но я свой приказ не отменю. И если уж на то пошло, то у нас свой командир соединения. Бельскому не подчинюсь.

Зимянину был в диковинку такой партизанский разговор. Он не знал наших взаимоотношений, но интуитивно понял: тут что-то не так. И посоветовал минчанам их приказ отменить».

В отряде, которым командовал легендарный партизан Роман Наумович Мачульский, с Зимяниным приключилась беда. От неожиданной острой боли он потерял сознание, а очнувшись, увидел над собой озадаченное лицо незнакомого юноши, который, недолго думая, заставил Зимянина выпить стакан медицинского спирта, после чего без промедления приступил к операции. Двадцатидвухлетний лекарь Николай Малиновский с помощью самых примитивных режущих инструментов, продезинфицировав их остатками спирта, искусно без всякого наркоза прооперировал Зимянина, у которого острый аппендицит уже перешел в воспаление брюшины... (Спустя 40 лет судьба вновь сведет М. В. Зимянина с главным хирургом Кремля, Героем Социалистического Труда, академиком Николаем Никодимовичем Малиновским, который поможет отцу оправиться от тяжелейшей травмы – перелома ребер при случайном падении.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.